ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. 90-е гг. XV в. — 80-е гг. XVI в.

А. В. Виноградов

Исторически земли, составляющие некогда территорию Древнерусского государства (Киевской Руси), к XV в. были объединены двумя сложившимися в Восточной Европе государственными образованиями — Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским. В конце XV в. между Москвой и Вильно начинается длительная борьба за перераспределение территорий Древнерусского государства. Эта борьба явилась основной геополитической составляющей истории Восточной Европы в XVI–XVII столетиях.

Уже в дореволюционной отечественной историографии были изложены основные причины московско-литовского конфликта[1]. Начавшаяся в 80-х гг. XV столетия борьба между Москвой и Вильно была неизбежна и исторически обусловливалась следующими факторами:

– борьбой за главенство в Новгородской земле;
– вмешательством Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) в отношения великого князя московского с удельными московскими князьями, а Великого Княжества Московского (далее — ВКМ) соответственно в отношения великого князя литовского с литовскими удельными князьями;
– сложившимися союзными отношениями ВКЛ с Ливонским Орденом (с последующей тенденции подчинения Ордена Польско-Литовскому государству);
– сложившимися союзными отношениями ВКЛ с Большой Ордой, а ВКМ с Крымским ханством.

Таким образом, в геополитическом отношении от исхода борьбы Москвы и Вильно зависело окончательное формирование единого Русского государства. Противостояние с Литвой являлось главной составляющей московской политики с момента начала борьбы за гегемонию во Владимирской земле в XIV столетии. С другой стороны, ослабление Москвы отвечало жизненным интересом Великого княжества Литовского как наследника Западной и Юго-Западной частей

---

[1] Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. I. М., 1862; Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508. Издание второе. М., 2011. С. 141–142.

Древнерусского государства. Конечной целью конфликта с ВКЛ для Москвы уже к 90-м гг. XV в. было «приращение территорий» с целью последующего наступления на ВКЛ. Первоначально конечной «стратегической целью» было возвращение Смоленской земли, что было достигнуто в ходе войны 1512–1522 гг. К 60-м гг. XVI в. «стратегической целью на западном направлении» стал захват Полоцкой земли. Со стороны ВКЛ отвоевание Смоленской земли являлось главной «стратегической целью» с 20-х гг. XVI в.

Достигнутое в ходе войны 1534–1537 гг. частичное изменение границ в пользу ВКЛ (возвращение большей части Гомельской земли) не могло обеспечить безопасность Великого княжества.

Борьба между Москвой и Вильно за «перераспределение» территорий Древнерусского государства превратилась в главную геополитическую составляющую московско-литовского (трансформировавшегося в русско-польско-литовский) конфликта на протяжении всего XVI столетия. Двумя другими составляющими стала ливонская проблема — борьба за подчинение (сначала за установление политического контроля, а затем и непосредственно за территорию) Ливонского Ордена и крымская проблема, т. е. борьба за политическое влияние в Крыму с целью превращения государства Гиреев в стратегического союзника.

К 60-м гг. XVI в. окончательно формируется внушительный перечень взаимных территориальных претензий сторон, ритуально оглашаемый при начале всех дипломатических переговоров. Как отмечает К. Ю. Ерусалимский, «Ягеллоны и их наследники стремились подчинить Короне Польской и Великому княжеству Литовскому большинство русских земель и всю Ливонию. В ответ выдвигались требования «вернуть» в состав московской Русской земли все «Киевское наследство» — Киев, все русские земли Правобережной Украины вплоть до Дуная, белорусско-литовские земли, а также всю Ливонию»[2]. Такой масштаб взаимных территориальных претензий не имеет аналогов в истории межгосударственных конфликтов в Европе в XVI в.

Влияние, которое оказал московско-литовский, а затем русско-польско-литовский конфликт на международные отношения в Восточной и Центральной Европе, огромно. При этом ливонская проблема со временем превратилась в главную составляющую т. н. Балтийского вопроса, а крымская проблема — т. н. Турецкого (Восточного) вопроса. Таким образом, русско-польско-литовский конфликт стал «связующим звеном» между всеми комплексами международных и межгосударственных противоречий в Восточной Европе.

Геополитические условия московско-литовского, а затем русско-польско-литовского конфликта — войн 1486–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537, 1561–1582 гг. — существенно изменялись. Если на ранней стадии речь шла о конфликте ВКЛ и ВКМ, то к 60-м гг. XVI в. он трансформировался в конфликт Русского и Польско-Литовского государств (с 1569 г. Речь Поспо-

[2] Ерусалимский К. Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI – начала XVII в. Автореферат диссертации… д. и. н. М., 2011. С. 3.

литая). Именно успешные войны против ВКЛ Ивана III и Василия III завершили превращение Великого княжества Московского в единое Русское централизованное государство. Именно конфликт с Москвой в значительной степени стал причиной окончательного формирования Польско-Литовского государства в единый государственный организм — Речь Посполитую. Военно-политическое противостояние Русского и Польско-Литовского государств в течение XVI столетия изменило всю систему международных отношений в Восточной Европе. Эти процессы в значительной степени были стимулированы распадом в начале XVI столетия Большой Орды, затем крахом в 20-х гг. XVI столетия т. н. «Державы Ягеллонов» — своеобразного содружества Венгрии, Чехии, Польши и ВКЛ, престолы которых занимали представители одной династии. Крым превратился из союзника в противника Русского государства, но не стал и долговременным политическим союзником Вильно и Кракова. Существенно ослабли в первой половине XVI в. позиции Ливонского Ордена. Таким образом, в системе международных и межгосударственных отношений в Восточной Европе произошли значительные изменения. Тем не менее стратегические геополитические задачи обеих сторон оставались неизменными — борьба за изменение в свою пользу соотношения сил путем захвата или отвоевания территорий, находящихся в руках противника.

Как известно, на ранней стадии конфликта баланс сил был на стороне Москвы. В результате четырех первых войн ВКЛ потеряло огромные пространства, а пределы московских владений подступили уже непосредственно к западным и юго-западным древнерусским землям (современным Белоруссии и Украине). Попытки польско-литовской стороны «взять реванш» в т. н. «Стародубской войне» 1534–1537 гг. привели только к частичному успеху. Решающим стал русско-польско-литовский конфликт 1561–1582 гг. — война 1561–1570 гг. и т. н. «Баториева война»1578–1582 гг. более известная как «Ливонская война», что не совсем верно отражает ее суть[3]. Она положила конец экспансии Москвы на западном направлении на протяжении длительного исторического периода и отразила «баланс сил» между двумя сторонами, существовавший до начала ответной польско-литовской экспансии эпохи Смутного времени.

Характер московско-литовских, а затем русско-польско-литовских конфликтов — борьба за контроль над территориями — определял исключительное значение формирования государственной границы. Вопрос о территориальном разграничении являлся ключевым при заключении московско-литовских, а затем русско-польско-литовских мирных договоров.

---

[3] А. И. Филюшкин предлагает выделить «Баториеву» войну 1578–1582 гг. в отдельный период «серии балтийских войн XVI в.», оставив наименование «Ливонская война» только за конфликтом Русского государства и Ливонского Ордена 1558–1561 гг. (Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. СПб., 2010. С. 80–94; СПб, 2011. С. 9–10). Тем не менее в современной историографии понятие «Ливонская война» пока относится к периоду 1558–1582 гг. и в этом смысле будет использоваться автором.

Как известно, территориальное разграничение между двумя государствами отразилось в московско-литовских договорах, а затем (с 1569 г.) в русско-польско-литовских договорах XV–XVI вв. — 1494, 1503, 1508, 1522, 1526, 1542, 1549, 1553, 1556, 1567 (предполагаемый проект), 1570, 1578 (не вступил в действие), 1582 гг. При этом при заключении каждого договора демаркация границы, как правило, не доводилась до конца. Неразграниченными оставались спорные территории и зоны, находящиеся вне прямого военно-административного контроля сторон в районе т. н. «Дикого поля».

Ям-Запольский мир (точнее, перемирие), установивший государственную границу между Русским государством и Речью Посполитой, существовавшую до начала Смутного времени, является своеобразным «геополитическим итогом» русско-литовских (с 1569 г. русско-польско-литовских конфликтов) XV–XVI столетий и хронологически является «нижней точкой» настоящего исследования. Следует отметить, что Ям-Запольский мир оставил нерешенными многие вопросы непосредственно территориального размежевания между Русским государством и Речью Посполитой.

При весьма значительном рассмотрении хода московско-литовских, а затем русско-польско-литовских конфликтов в отечественной историографии (труды В. К. Базилевича, М. Е. Бычковой, А. А. Зимина, В. Д. Королюка, М. М. Кромма, Б. Н. Флоря и др.) вопросы непосредственного территориального разграничения между ВКЛ и ВКМ изучены недостаточно. Не подвергались они доскональному изучению и в польской, украинской и белорусской историографии. Исключением служит работа белорусского историка В. Н. Темушева «Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе» (М.: Квадрига, 2009). В связи с этим вопрос о формировании границы между Русским и Польско-Литовским государством до 1582 г. представляется весьма актуальным.

Граница между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы — великими княжествами Московским и Литовским — в первоначальном виде сложилась в начале XV столетия. Как известно, в 1403–1408 гг. к ВКЛ были присоединены Смоленское, Вяземское и часть т. н. «Верховских» (Верхнеокских) княжеств. Следует отметить, что сведения о конкретном территориальном размежевании между двумя государствами до 1494 г., когда к Москве было присоединено Вяземское княжество, отсутствуют. Однако белорусский исследователь В. Н. Темушев аргументированно доказал, что фактическая демаркация московско-литовской границы осуществилась согласно договору Василия II Васильевича и Казимира Ягайловича от 31 августа 1449 г., который он оценивает как «своеобразный рубеж, после которого экспансия двух государств на восточнославянские земли приостановилась»[4].

Причины конфликта между ВКЛ и Москвой 1486–1494 гг. (сначала локальных конфликтов, а затем т. н. первой русско-литовской войны 1492–1493 гг.) одно-

[4] Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе». М., 2009. С. 31.

значно оцениваются в отечественной историографии как жесткое намерение Ивана III не допустить возможности консолидации Великого княжества Литовского в существующих границах на исторически обозримый период.

Переговоры в Москве литовского посольства П. Яновича, С. Кезгайло, В. Яновича, Ф. Григорьева досконально рассмотрены в труде К. В. Базилевича[5]. Отметим, что обширная источниковая база позволяет судить о принципах, которыми руководствовались обе стороны — литовцы формально стремились восстановить территориальное разграничение на основании договора 1449 г., но фактически готовы были уступить «Верховские» княжества. Московская дипломатия впервые эффективно выступила за установление границы на основе фактического владения. Подобная линия московской дипломатии изначально поставила литовскую сторону в уязвимое положение.

Договор 1494 г. однозначно трактуется в отечественной историографии как крупнейший успех московской дипломатии. К Москве отходили практически все вотчинные владения князей Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротынских, Перемышльских, Белевских и часть владений князей Мезецких. Впечатляет перечень городов и населенных пунктов: Алексин, Белев, Воротынск, Вязьма, Козельск, Мещера, Мстиславль, Новосиль, Одоев, Перемышль, Рославль, Таруса, Тешилов. Граница отодвигалась от Москвы более чем в два раза. Конфигурация границы между ВКЛ и ВКМ резко изменилась. Как отмечает В. В. Похлебкин, «линия границы между Литвой и Москвой выравнивалась, ее выдвинутый к востоку можайско-калужский угол срезался»[6]. Тем не менее, как отмечает В. Н. Темушев, «больших территориальных изменений не произошло»[7]. Исследователь делает данный вывод при сопоставлении территориальных потерь ВКЛ по договорам 1494 и 1503 гг. Однако одним присоединением Вяземского княжества и владений «Верховских» князей последствия договора 1494 г. для формирования московско-литовской границы не исчерпываются.

Уступка ряда волостей совместного новгородско-литовского управления знаменовало собой окончательное признание инкорпорации Новгорода в Московское государство. Но самое существенное заключалось в том, что Москва получила возможность для дальнейшего наступления на земли ВКЛ. В ее руках находились верховья р. Днепра, являвшиеся, по мнению К. Б. Базилевича, «естественным рубежом» новой границы. Присоединение «Верховских» княжеств означало продвижение Москвы к верховьям рек Оки и Угры. К. В. Базилевич обратил внимание на роль присоединения территории «Верховских» князей для организации обороны южной границы Русского государства от татарских нападений[8].

---

[5] Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 2001. С. 281–291.

[6] Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. Справочник. Вып.2. Кн.1. М., 1995. С. 361.

[7] Темушев В. Н. Гомельская земля… С. 33.

[8] Базилевич К. В. Внешняя политика… С. 291.

Однако именно это резкое усиление позиций Москвы, достигнутое в значительной степени благодаря переходу на службу к Ивану III «Верховских князей», сделало неизбежным возобновление конфликта.

Как известно, политика Ивана III по политической дезинтеграции Великого княжества, увенчавшаяся в конечном итоге переходом к нему «на службу» князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемятича, владельцев двух огромных удельных княжеств в составе ВКЛ — Черниговско-Стародубского и Новгород-Северского — сделала новую войну неизбежной.

Война 1501–1503 гг. явилась еще более масштабным военным конфликтом, чем предшествующее столкновение Москвы и Вильно. В нее впервые оказалась непосредственно вовлечена Корона Польская. Как известно, переговоры о заключении мира велись Великим княжеством Литовским при активном участии Короны. В состав объединенного посольства вошли от ВКЛ Станислав Глебич, Войтех Янович, Иван Богданович Сапега; от Короны Польской — Петр Мышковский, Ян Бучацкий и Петр Вроцимовский[9]. Переговоры послов обстоятельно изучены К. В. Базилевичем, который показал механизм территориального разграничения по разрабатываемому договору в соответствии с принципом uti possidetis[10]. Ход переговоров показал, что обе стороны придают территориальному разграничению огромное значение. В. Н. Темушев обратил внимание на то, что в тексте договора о перемирии «точно и последовательно обозначаются пограничные пункты с обеих сторон»[11].

Условия мира 1503 г. привели к серьезному изменению границы между двумя государствами в пользу Москвы на центральном и южных участках — в Смоленской и Чернигово-Северских землях. ВКЛ потеряло значительную часть своего смоленского воеводства и часть витебского воеводства с городами Вязьмой, Дорогобужем, Белым, Торопцом. Перечень утраченных населенных пунктов в Черниговско-Северских землях еще более впечатляет: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Любеч, Почев, Трубчевск, Радогош, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Воротынск.

Была утрачена огромная территория, до трети всего Великого княжества. Однако В. Н. Темушев обратил внимание на то обстоятельство, что часть утраченных территорий уже фактически не принадлежала Великому княжеству. Анализируя состав утраченных территорий, В. Н. Темушев пришел к выводу, что часть из них только номинально принадлежала ВКЛ, а фактически они являлись зонами политического влияния Большой Орды и Крымского ханства, использовавшимися ими для кочевий, а часть уже фактически находилась под контролем Москвы[12]. В. Н. Темушев также обратил внимание на то, что часть территорий

---

[9] Посольство было отправлено в январе 1503 г. из Вильно (РИО. Т.35. С. 365, дата верительного листа 9 января 1503 г.), прибыло 4 марта 1503 г. (РИО. Т.35. С. 364), отпущено 7 апреля 1503 (РИО. Т.35. С. 410).

[10] Базилевич К. В. Внешняя политика… С. 459.

[11] Темушев В. Н. Гомельская земля… С. 48.

[12] Там же.

на смоленском направлении вернулись в состав ВКЛ. Геополитические обстоятельства вынуждали обе стороны обратить внимание на разграничение северного и центрального участков границы — на витебском и смоленском направлениях. В конечном итоге южный отрезок московско-литовской границы по договору 1508 г. не был делимитирован. Речь шла о территории на восток от Днепра между городами Киев и Черкассы с литовской стороны, и Чернигов, Новгород-Северский, Путивль — с московской. Крайние южные рубежи двух государств, примыкающие к зонам крымских кочевий, вообще носили условный характер.

Столь масштабное поражение Великого княжества не могло не отразиться на дальнейшей истории взаимоотношений двух крупнейших восточноевропейских государств. Как отметил К. В. Базилевич «обе стороны считали войну незавершенной»[13].

Война 1507–1508 гг. традиционно считалась в отечественной историографии инициативой политической элиты ВКЛ во главе с новым великим князем Сигизмундом I[14]. На самом деле московская сторона с готовностью пошла на конфликт. Ход военных действий выявил недостаточность потенциала обеих сторон для ведения долговременного конфликта и довольно скоро привел к очередным мирным переговорам. Ход переговоров посольства С. Глебовича, И. Сапеги и В. Нарбута не так хорошо исследован в отечественной историографии, как аналогичные переговоры 1503 г., что объясняется недостатком источников[15]. Переговоры о заключении мира, которые вело в Москве польско-литовское посольство, показало, что территориальное разграничение является главным вопросом двусторонних отношений. При этом обе стороны пришли к выводу о необходимости компромиссов. Так, правительство Василия III возвратило Великому княжеству территории, на которых оно явно не могло закрепиться (волость Буйгород). При этом граница в ряде случаев выравнивалась не в пользу Москвы.

Т. н. «вечный мир» 1508 г. должен был установить государственную границу между двумя странами на исторически длительный период. При переговорах была определена главная конфликтная точка — междуречье Оки и Днепра. Тем не менее граница была определена и существовала в таком виде до следующего военного конфликта.

Последний не заставил себя долго ждать. Как известно, ключевым фактором для возобновления конфликта явилось присоединение Псковской земли к Русскому государству. Дипломатическая подготовка обеих сторон к войне началась с начала десятых годов. Следует отметить, что война 1512–1522 гг. не просто

---

[13] Базилевич К. В. Внешняя политика… С. 483.

[14] Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 84.

[15] По литовской посольской документации посольство было отправлено из Смоленска и прибыло в Москву в 1508 г. (РГАДА. Ф.389. Оп.1. Ед.хр.7. Л.153; Ед.хр.8. Л.93; РИО. Т.35. С. 486). По летописным сведениям прибыло 19 сентября 1508 г., отбыло 10 октября 1508 г. (Татищев В. Н. История Российская. Ч.4. Т.6. М., 1996. С. 105; ПСРЛ. Т.6. Вып.2. М., 2001. С. 383–384). Изложение хода переговоров дано в «Выписке из посольских дел» (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. (ПИВЕ). Т.II. М., 1997. С. 105–107).

явилась крупноформатным военным конфликтом, но и геополитическим столкновением, в которое были в той или иной степени вовлечены все сопредельные государственные образования. На этот раз московский натиск привел к взятию Смоленска. Это создало принципиально новые условия для Великого княжества — был утрачен крупнейший административный центр. Вопрос о судьбе Смоленска привел к затягиванию войны. 2 сентября 1520 г. послом Б. Боговитиновичем было заключено перемирие для проведения переговоров. Как известно, польско-литовская дипломатия до последнего стремилась не допустить утрату Смоленска, чем в значительной степени объясняется исключительно сложный характер переговоров польско-литовского посольства в составе П. С. Кишки, Б. Боговитиновича и И. Горностая[16]. В конечном итоге договор 14 сентября 1522 г. привел к юридическому закреплению новых территориальных утрат Великого княжества. Правда, литовская сторона лишь согласилась записать смоленские земли в «московскую сторону», что, как справедливо отметил А. А. Зимин, «не означало официального признания присоединения Смоленска»[17]. Тем не менее Смоленск остался в руках Москвы. Новая граница проходила по Днепру ниже Смоленска, а затем вверх по впадающей в Днепр реке Мере до реки Иваки. Срок перемирия был определен в пять лет, но продление перемирия произошло до истечения срока. На этот раз причины досрочного прибытия в Москву польско-литовского посольства объяснялись необходимостью обмена полоняниками. На самом деле литовская сторона при посредничестве папской и имперской дипломатии ставила вопрос о заключении «вечного мира» при условии возвращения Смоленска. Эти предложения были отвергнуты. В результате переговоров посольства П. Кишки в Можайске 4 ноября 1526 г. был заключен договор о продлении перемирия с сохранением существующих границ. 27 февраля 1527 г. он был ратифицирован в Кракове крестоцелованием короля Сигизмунда I. Срок перемирия был определен в 6 лет.

Формальное состояние мира между двумя крупнейшими восточноевропейскими государствами, таким образом, определялось наличием перемирия с 25 декабря 1526 г. по 25 декабря 1532 г. Как справедливо отметил М. М. Кром, долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, что «отношения двух соседних держав стабилизировались, а дипломатическая активность обоих государств переключилась на иные направления»[18]. Это мнение не соответствует действительности. Обе стороны рассматривали сложившееся территориальное разграничение как временное и готовились к возобновлению конфликта. Со сто-

---

[16] Отправлено в июне 1522 г. из Вильно (РИО. Т. 34. С. 624 — дата верительного листа 25 июня 1522 г.), прибыло в августе 1522 г. (РИО. Т. 35. С. 623). По летописным данным прибыло в сентябре 1522 г. (Татищев В. Н. История Российская. Ч. 4. Т. 6. С. 123; ПСРЛ. Т.24. Пг., 1921. С. 221; ПСРЛ. Т.13. 2–я пол. СПб., 1906. С. 43). Ход переговоров изложен в русской посольской документации (РИО. Т. 35. С. 625–635) и в «Выписке из посольских книг» (ПИВЕ. Т.VII. М., 2004. С. 132–134).

[17] Зимин А. А. Россия на пороге… С. 250.

[18] Кром М. М. Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 13.

роны Москвы существовали планы вторжений в 1528 г. на полоцко-витебском рубеже и в 1532 – начале 1533 г. в направлении Киева. Приведенные М. М. Кромом свидетельства источников показывают, что «военные тревоги» 1528 и 1531–1532 гг. были весьма реальны и служили индикатором «той напряженной атмосферы, которая царила в те годы в пограничных городах Великого княжества Литовского»[19].

Интересен выбор направления московской экспансии. Овладение Витебском давало возможность развернуть в дальнейшем наступление на Полоцк. Нападение в сторону Киева явно предполагалось в случае наличия союза с Крымом. Как известно, именно отсутствие этого союза в конечном итоге повлекло за собой отказ от воинственных планов. В дальнейшем в периоды всех последующих военных конфликтов между двумя государствами именно неопределенность позиции Крыма сдерживала на южных рубежах московско-литовской границы развертывание крупноформатных военных действий.

Неожиданная смерть Василия III создала совершенно другую ситуацию. Теперь уже Москва была заинтересована в перезаключении договора с ВКЛ и стабилизации существующего территориального разграничения. Однако именно дестабилизация внутриполитического положения Московского государства вызвала стремление к реваншу в правящих верхах ВКЛ. Цель замышлявшейся войны была очевидна — возвращение завоеванных Москвой территорий. О том, насколько далеко простирались планы правящих верхов ВКЛ, в историографии нет единого мнения. Так или иначе, «Стародубская война» действительно явилась реваншем Великого княжества. В июле 1535 г. был взят Гомель. Как известно, кампания 1536 г. привела к тому, что практически все завоевания ВКЛ, кроме Гомеля, были возвращены. Во время кампании 1535 г. на озере Себеж, на литовской территории, воеводой И. Н. Бутурлиным был поставлен укрепленный пункт, названный Ивангородом, более известный в дальнейшем как крепость Себеж. Наряду с крепостями Заволочье и Велиж он стал оплотом Москвы на полоцких рубежах. К концу 1536 г. в Вильно осознали неизбежность переговоров.

Переговоры о мире вело в Москве литовское посольство в составе Я. Глебовича, М. Клочко и В. Николаевича. Ход переговоров досконально исследован и в отечественной и в современной белорусской историографии[20].

Обе стороны понимали, что единственным выходом из тупика при распределении территории является соблюдение принципа «кто чем владеет» на момент заключения перемирия. Однако реальное обсуждение вопросов территориального разграничения сопровождалось острыми конфликтами.

Окончательное согласование границ произошло 16 февраля 1537 г. Послы потребовали уступки ряда волостей и сел Чечерского и Пропойского уездов, которые были признаны за Москвой еще по договору 1508 г. Последовал очеред-

[19] Там же. С. 18.

[20] Кром М. М. Стародубская война… С. 92–93; Темушев В. Н. Гомельская земля… С. 132–139.

ной конфликт, после которого польско-литовская сторона, понимая последствия срыва уже достигнутых соглашений, вернулась к уже принятым решениям. 18 февраля 1537 г. состоялось торжественная церемония крестоцелования государя Ивана Васильевича. Перемирие было установлено от Благовещения (25 марта) 1537 г. до Благовещения 1542 г.

Результаты территориального разграничения по московскому договору на первый взгляд выглядели как компромисс — Гомель возвращался ВКЛ, а Себеж и Завольчье — ВКМ. Однако суть проблемы не исчерпывалась соблюдением условия «который что взял, тот то и держать». Разграничение волостей, относящихся к Себежу и Заволочью, вылилось в ожесточенный спор, едва не закончившийся срывом переговоров. Тем самым была обозначена проблема детального территориального разграничения, при котором обе стороны стремились создать себе наиболее выгодные условия для возобновлении конфликта на главных стратегических направлениях — в первую очередь, в районе крепости Себеж.

В целом итоги «Стародубской войны» 1534–1537 гг. таили в себе явную угрозу возобновления в обозримом будущем между двумя государствами крупноформатного военного конфликта. Компромиссный характер перемирия 1537 г. явно вытекал из достигнутого равновесия сил. В случае если это равновесие будет нарушено, конфликт становился неизбежным.

В. Н. Темушев полагал, что «в целом в результате войны 1534–1537 гг. сформировалась линия московско-литовской границы, которая, с некоторыми изменениями, просуществовала вплоть до первого раздела Речи Посполитой[21]. Данная точка зрения правомерна, однако не учитывает факта серьезного изменения границы между двумя государствами в 1563 г. в результате захвата части Полоцкого воеводства с г. Полоцком русскими войсками. Это было самое серьезное изменение московско-литовской границы с 30-х гг. Подобное положение существовало де-факто вплоть до Московского договора 1570 г. Кроме того, как уже говорилось, при заключении договора 1537 г. обозначилась т. н. проблема «себежских пустошей» — сопредельной территории вокруг г. Себежа.

При заключении первого договора о продлении перемирия посольством Я. Глебовича вопрос о «себежских пустошах» привел обе стороны к решению заключить специальное соглашение. Это была т. н. «запись» (протокол) к перемирию 1537 г.[22] В Описи Архива Посольского приказа 1626 г. она определена следующим образом: «Грамота полсково Жигимонта короля и сына ево Жигимонта-Августа послов Яна Юрьевича Глебовича, воеводы полотцкого, с товарыщи з государевыми послы с Васильем Григорьевичем Морозовым с товарыщи, договор о Полоцких землях и о водах, что не вступатца в них на обе стороны, покаместа государевы болшие послы будут. Писана от Рожества Христова лета 1542-го, у ней 3 печати, ветха и изодралась»[23].

---

[21] Темушев В. Н. Гомельская земля… С. 139.
[22] РИО. Т.59. С. 194–198.
[23] Опись Архива Посольского приказа 1626 г. Ч.1. М., 1977. С. 87.

В. В. Похлебкин определяет условия этого документа следующим образом:

1. Обе стороны обязуются сохранить как нейтральную зону шесть себежских пустошей со всеми деревнями и озерами, в этой зоне расположенными.
2. Обе стороны не будут предпринимать никаких попыток овладеть указанным в пункте 1 районом до окончательного решения о его принадлежности в мирном договоре[24].

Нерешенная проблема территориального размежевания на себежском участке московско-литовской границы привела к необходимости заключения при очередном продлении перемирия специального документа.

При пребывании литовского посольства в составе С. Довойны и О. Воловича в Москве, которые вели переговоры о продлении перемирия в сентябре 1553 г., такой документ был составлен.

В. В. Похлебкин определил его как «Запись (протокол) о спорных полоцких (себежских) пустошах 1553 г. от 9 сентября 1553 г.». В истории московско-литовских отношений этот был уже второй специальный документ по территориальному разграничению.

В Описи Архива Посольского приказа 1626 г. документ обозначен как «Грамота Жигимонта короля полского послов Яна Станиславовича Довойны, воеводы полоцкого, с товарыщи, что говорили они з государевыми послы с Васильем Михайловичем Юрьевым, да с Ываном Михайловичем Воронцовым, да с казначеем с Федором Сукиным, да з дьяки с Ываном Висковатым, да с Ываном Бухаровым о Полоцких землях и о водах, и приговорили для подлинного сыску и розысканья выслати судей с обе стороны. Писана на бумаге, лета от Рожества Христова 1553, назади потлела, у ней три печати»[25].

В. В. Похлебкин определяет следующие условия документа:

1. Подтверждалось установленное ранее нейтральное положение зоны полоцких (себежских) пустошей до их окончательного размежевания.
2. Прилагался список межевых судей, долженствующих совершить размежевание с обеих сторон.
3. Прилагался перечень пограничных знаков, точек, заметных объектов и естественных рубежей, по которым следует провести границу и размежевание себежских пустошей.
4. устанавливался срок приезда в Себеж судейских межевальных комиссий — 1 сентября 1554 г.[26]

Однако межевание границы вновь не состоялось. В конечном итоге к последнему перед началом Ливонской войны (точнее войны Русского и Польско-Литовского государств) продлению перемирия в феврале 1556 г. вопрос о территориальном разграничении так и не был решен.

---

[24] Похлебкин В. В. Внешняя политика… С. 380.
[25] Опись Архива Посольского приказа 1626 г… С. 87–88.
[26] Похлебкин В. В. Внешняя политика… С. 381–382.

Начавшаяся война резко изменила ситуацию: в феврале 1563 г. был взят Полоцк — расположенный на Двине важнейший стратегический пункт Литвы. Отныне фактическая граница пролегала по западным частям Полоцкого воеводства, хотя часть Полоцкого повета оставалась под властью Литвы. Это положение де-факто признали обе стороны при заключении т. н. «полевого перемирия» в феврале 1563 г., которое действовало до приезда в конце года литовского посольства в Москву. В декабре 1563 г. при переговорах в Москве посольства ВКЛ в составе Ю. А. Ходкевича, Г. Воловича и М. Гарабурды литовская сторона предложила при заключении перемирия «записать Полоцк за Иваном IV, а повет — за королем»[27]. В дальнейшем вплоть до заключения московского договора 1570 г. при всех русско-польско-литовских дипломатических переговорах тема полоцких земель являлась центральной. Другими острыми проблемами являлись вопросы о русских крепостях «на рубежах» — Велиже, Усвяте и Озерищах.

На прочих участках московско-литовской границы в ходе войны (т. е. с 1561 г.) существенных изменений не произошло. Принципиально важно, что граница, закрепленная договором 1537 г. (кроме территорий полоцкого воеводства) попрежнему в русской посольской документации именовалась «рубежом».

Однако в вопросе о территориальном разграничении между Русским и Польско-Литовским государствами по западным рубежам с захватом Москвой большей части Ливонии возникла принципиально новая ситуация — отныне проблема возврата захваченных в ходе конфликта в традиционных зонах «пограничья» территорий была тесно связана с судьбой захваченных обеими сторонами владений бывшего Ливонского Ордена. Это показали уже переговоры о заключении перемирия, которые прошли в Москве летом 1566 г.[28] Ход переговоров рассматривался в отечественной историографии Р. Г. Скрынниковым и А. Л. Хорошкевич, в польской — И. Граля[29].

Внешне ход «торга» обеих сторон выглядел традиционно: сначала ритуальные требования русской стороны на Киевщину, Подолию, Волынь, Белую и Червонною Русь и даже на Подлящье, польско-литовской — на Великий Новгород, Псков, Смоленск, Новгород-Северскую землю, все владения верховских князей и, естественно, на Полоцк, т. е. на все земли, захваченные Москвой с 1494 г. Это были условия «вечного мира» — дань сложившемуся своеобразному дипломатическому ритуалу.

В реальности скоро обозначились следующие позиции сторон: польско-литовские послы требовали вернуть Полоцк, Смоленск и Озерище, при этом

---

[27] Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 375.

[28] Литовское посольство, в состав которого входили Юрий Александрович Ходкевич, Юрий Васильевич Тышкевич и Михаил Гарабурда, было отправлено в марте 1566 г. (дата верительного листа 21 марта 1566 г. — КПЛМ. Ч.1. С. 255), прибыло 30 мая 1566 г. (РИО. Т.71. С. 346), отпущено 22 июля 1566 г. (РИО. Т.71. С. 423).

[29] Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб, 1992. С. 266–268; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений… М., 2003. С. 433–452; Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 293–300.

признав status quo в Ливонии, ответная комиссия думных чинов, где главную роль играл И. М. Висковатый, требовала признать за Москвой Полоцкую землю и Усвятскую волость, а также признания прав Москвы на все земли Ливонского Ордена, мотивируя это тем, что «Вифлянская земля вотчина государя нашего от прародителя его». Но и это было своего рода ритуалом. Русские дипломаты прекрасно понимали, что главной задачей было установить контроль над устьем Двины, захватив Ригу, для чего можно отказаться и от Курляндии, и от юго-восточной Ливонии и, главное, от части полоцких земель. Польско-литовские послы ни при каких условиях не соглашались на признание прав Москвы в Ливонии, и за сохранение status quo готовы были уступить Полоцкую землю по рекам Оболь, Двина и Ропница. Под конец переговоров обе стороны достигли предела уступок. Замечательно, что Иван Грозный готов был согласиться даже на уступку Усвята и Озерищенской волости в обмен на признание прав на Ливонию. Все было тщетно. Готовность к взаимным уступкам на западных рубежах, которую демонстрировали обе стороны еще на переговорах 1537 г., разбилась о проблему «Лифлянской земли». Это подтвердил и провал переговоров посольства Ф. И. Умного-Колычева в Гродно в августе 1567 г. Именно вопрос о Ливонии привел к отказу польско-литовской стороны от заключения перемирия. Между тем вопрос признания существующего территориального разграничения на переговорах в Гродно в принципе мог быть решен, хотя русская сторона твердо выступала за удержание большей части Полоцкого повета.

Как известно, невозможность продолжения крупномасштабного конфликта ввиду существенного истощения военного потенциала обеих сторон привела к возобновлению переговоров.

Территориальное разграничение между ВКЛ и Русским государством было зафиксировано т. н. Московским договором 24 июня 1570 г. (дата крестоцелования Ивана IV). Помимо договора о перемирии, польско-литовское посольство заключило 22 июня 1570 г. в Москве, по определению В. Похлебкина, т. н. «Протокол (запись), приложенный к перемирию 1570 г.»[30]

Значение договора о перемирии и, в частности, зафиксированного в договоре территориального разграничения 1570 г. остается предметом острых дискуссий и в отечественной, и в зарубежной историографии. В советской историографии восторжествовала точка зрения о том, что перемирие было компромиссом. А. А. Зимин оценивал его как «приемлемый для польской и русской стороны»[31]. Новейший исследователь польский историк Иероним Граля считает, что «перемирие столь важное и желательное для обеих сторон, в том виде, в каком оно было заключено, не отвечало чаяниям ни Речи Посполитой, ни России»[32]. Польский историк аргументирует свои вывод незначительностью территории,

[30] Похлебкин В. В. Внешняя политика… С. 393.
[31] Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного… С. 434.
[32] Граля И. Иван Михайлов Висковатый… С. 316.

остававшейся под контролем Русского государства в Ливонии (Дерптское епископство, восточная Эстония, замки Феллин, Оберфален, Нойхауз, Мариенбург и Эзель), и в то же время наличием исключительно удачного для Москвы пограничного разграничения непосредственно с ВКЛ (сохранением в ее руках Полоцка, контролем над большей частью спорных пограничных замков, в том числе таких важных пунктов как Озерище и Сокол). И. Граля обратил внимание на то, что такое положение было чревато созданием благоприятных условий для дальнейшей экспансии Москвы на территории ВКЛ[33]. А. Л. Хорошкевич считает, что заключенное перемирие «ясно и четко продемонстрировало полное фиаско внешней политики Грозного на западном направлении»[34]. Не совсем ясно, что имеет в виду А. Л. Хорошкевич под «фиаско», если она вслед за И. Гралей соглашается с тем, что «сохранение Полоцка оставляло России возможность доступа к среднему течению Двины, между устьями Уллы и Ушачи власть России простиралась на оба берега Западной Двины, что угрожало изоляцией Витебска»[35]. Весьма позитивно оценивает итоги переговоров 1570 г. для Русского государства Б. Н. Флоря: «Хотя по этому договору земли в Ливонии (в частности, в нижнем течении Западной Двины), занятые литовскими войсками, оставались на время действия договора за Речью Посполитой, русские власти получали запас времени, чтобы попытаться подчинить себе всю остальную Ливонию с ее главными портами»[36]. В целом договор 1570 г. отражал существующее соотношение сил между Речью Посполитой и Русским государством. Территориальное разграничение, зафиксированное Московским договором 1570 г., оставалось в силе на протяжении всего «великого бескоролевья», т. е. с лета 1572 г. по лето 1576 г. и первые года правления Стефана Батория вплоть до возобновления войны между двумя государствами летом 1579 г. Формально данное территориальное разграничение было подтверждено договором 1578 г. о продлении перемирия, заключенном в январе 1578 г. в Москве посольством С. Крайского. Однако отказ от ратификации договора Стефаном Баторием в Кракове в декабре 1578 г. по причине стремления Ивана Грозного закрепить с помощью казуистики свои права на Ливонию фактически означал возобновление войны[37].

---

[33] Там же. С. 317.

[34] Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений… С. 554.

[35] Там же.

[36] Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 255.

[37] В современной отечественной историографии ход переговоров С. Крайского в Москве и пребывание направленного с целью ратификации заключенного договора посольства М. Карпова-П. Головина в Речи Посполитой до сих пор не рассматривались, кроме работы А. И. Филюшкина, в приложениях к которой были в числе прочих дипломатических документов опубликованы фрагменты русской посольской документации, посвященной приему этого посольства. Публикацию предваряет очерк о ходе переговоров: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы… С. 741–744. Публикация текста выполнена по списку, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Там же. С. 745–771). В дореволюционной историографии они частично затрагивались в монографии В. В. Новодворского «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой» (СПб., 1904) (современное издание: Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010. С. 5–80, 90–91).

С момента водворения Стефана Батория на польско-литовском престоле, последним этапом которого было его признание великим князем литовским летом 1576 г., вопрос о возобновлении войны с Русским государством оказался в центре внешней политики Речи Посполитой. При этом практически все ведущие политики и ВКЛ и Короны — коронный канцлер Ян Замойский, литовский канцлер О. Волович и другие в принципе считали отвоевание Полоцкой земли равноценной вытеснению Русского государства из Ливонии. Разногласия касались мер по обеспечению безопасности восточных границ Великого княжества. Падение Полоцка в 1579 г. резко усилило позиции Речи Посполитой. Следующей задачей Стефана Батория был захват ключевых стратегических пунктов московско-русского порубежья, что было достигнуто в ходе кампании 1580 г. Эскалация требований польско-литовской стороны четко прослеживалась при переговорах с русским посольством, в состав которого вошли князь Иван Васильевич Сицкий, Роман Михайлович Пивов и дьяк Дружина-Фома Пантелеймонович Петелин, которые шли под Великими Луками в августе–сентябре 1580 г., затем под Невелем в октябре 1580 г. и, наконец, в Варшаве в феврале 1581 г.[38] Под Великими Луками после оглашения «мирной инициативы» Грозного — согласия уступить Полоцк — было жестко указано, что эти земли являются неотъемлемой частью Великого княжества. Мало того, было заявлено, что «с Божьей помощью» скоро будут возвращены и остальные захваченные Москвой земли. Польско-литовская сторона огласила свои требования: уступку Северской земли, Пскова, Новгорода, Смоленска и всей Ливонии. Затем выяснилось, что король согласен оставить в руках «великого князя» лишь Псков и Новгород; все остальные требования остаются в силе. Тогда русская сторона к перечню уступок добавила крепости Усвят и Озерище. Предложение было отвергнуто. Таким образом, русские дипломаты начали упорный торг за захваченные укрепленные пункты и территории на московско-литовском рубеже. При этом остальные участки границы по молчаливому согласию сторон находились вне обсуждения. В период переговоров пали Великие Луки и затем Невель, где в королевском лагере они возобновились (10 октября 1580 г.). Переговоры под Невелем ознаменовались новым предъявлением польско-литовских требований. С гонцом Н. Сущевым послам были доставлены новые инструкции. Иван Грозный добавлял к уступкам еще ряд пунктов в Ливонии, но требовал передачи обратно только что захваченных Великих Лук и Невеля. Послы по собственной инициативе «просили» еще и только что взятого Заволочья. Естественно, эти требования были отвергнуты. Следующий этап переговоров состоялся в Варшаве в феврале 1581 г. 4 февраля послы изложили последние доставленные им с гонцом Р. Клементьевым «мирные предложения» государя, которые предусматривали сохранение русского контроля над

[38] Посольство было отправлено в июле 1580 г. и вернулось 15 марта 1581 г. (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч.1. С. 162). Ход переговоров изложен в грамоте послов Ивану IV с Р. Клементьевым, доставленной в марте 1581 г. (РГАДА. Ф. 79. Ед.хр. 12. Лл. 5–12об.) и в представленном по возвращении статейном списке (РГАДА. Ф. 79. Ед.хр. 12. Лл. 20–165).

Ливонией при отказе от Кокенгаузена, Ашерадена, Леневарда и Крейцбурга. Иван Грозный требовал возвращения захваченных Великих Лук и Велижа, соглашаясь на уступку Усвята и Озерища. Польско-литовская сторона жестко отклонила эти требования. Переговоры были прерваны, король и его окружение дали время послам для оглашения окончательных предложений Ивана Грозного, в наличии которых они не сомневались. 13 февраля на переговорах обозначился окончательный кризис. Последние уступки русской стороны — возвращение всех ливонских крепостей, захваченных после вступления Стефана Батория на престол, в обмен на возврат русских крепостей, захваченных войсками Речи Посполитой с 1579 г. — были отклонены. 16 февраля последовал отпуск гонца Репчука Клементьева с жестким посланием Стефана Батория Ивану Грозному. Затем произошли последние переговоры в форме обмена речами во время отпускной аудиенции. Русская сторона предложила заключение перемирия на полгода на условиях uti possidetis до приезда новых послов. Предложение снова было отклонено. При отпускной аудиенции устами литовского канцлера О. Воловича было вновь озвучено намерение Стефана Батория требовать возврата Северской земли, Смоленска, Пскова и Новгорода Великого. В. В. Новодворский проницательно отметил, что «это заявление не было со стороны Батория простою, только дипломатическою угрозою». Речь шла о будущем «крайнем пределе» требований в случае военных успехов. По словам В. В. Новодворского, это было «требование sine qua non заключения мира»[39].

Таким образом, вопрос о Ливонии тесно связывался польско-литовской стороной с обеспечением безопасности восточной границы Великого княжества. В любом случае на стратегически опасном «полоцко-витебском» направлении польско-литовская сторона стремилась достигнуть максимального расширения «на московскую сторону», т. е. на территории, признанные по предыдущим договорам частью Русского государства. Данная линия польско-литовской дипломатии полностью подтвердилась во время переговоров с посольством О. М. Пушкина и Ф. А. Писемского, которые проходили в два этапа в Вильно в мае и в королевском лагере под Полоцком — в июне 1581 г.[40] В начале переговоров польско-литовской стороной были оглашены ритуальные условия «вечного мира» — возврат Смоленска и Северской земли, после чего собственно и начались переговоры о перемирии. Они шли весьма напряженно в течение 29 мая, 1 и 2 июня[41]. Русская сторона сначала настаивала на возвращении Речи Посполитой ряда второстепенных пунктов в Ливонии. Затем, после угрозы пре-

[39] Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного… С. 221.

[40] Ход переговоров изложен в грамоте послов Ивану IV, доставленной 16 июня 1581 г. с Иваном Камыниным (РГАДА. Ф. 79. Ед.хр. 13. Лл. 6об.–21) и в представленном по возвращении в сентябре 1581 г. статейном списке (РГАДА. Ф. 79. Оп.1. Ед.хр. 13. Лл. 141–251об). Переговоры посольства О. М. Пушкина — Ф. А. Писемского в современной отечественной историографии не рассматривались. В дореволюционной историографии краткое изложение хода переговоров см. Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного… С. 224–225, 229–233.

[41] РГАДА. Ф. 79. Ед.хр. 13. Лл. 184об.–192, 194об.–200, 202–213об.

рвать переговоры, послы огласили «крайние условия» мира, зафиксированные в данном им наказе — уступка всей Ливонии кроме Нейгаузена (Новгородка Ливонского) Нейшлоста (Серенска) Неймюлена (Адежа) Ругодива (Нарвы). Иван Грозный соглашался на уступку Речи Посполитой Полоцка, Озерище и Усвята взамен на возвращение Великих Лук, Холма, Велижа и Заволочья. Это предложение было отвергнуто. Правда, послам разрешили отправить донесение Ивану Грозному о переговорах. Однако Иван Грозный категорически отказался от уступок и в Ливонии, и на московско-литовском пограничье, о чем было сообщено послам с очередным гонцом. Одновременно было доставлено знаменитое послание Ивана Грозного Стефану Баторию, сочетающие перечень «обид» ему и его предшественникам от польских королей и великих князей литовских с выпадами против него лично. Результатом был срыв переговоров 18–19 июля в королевском лагере под Полоцком, где сосредотачивалась армия для похода на Псков[42]. Следующий раунд дипломатического поединка произошел уже в Запольском Яме в декабре 1581 – январе 1582 г.[43]

Вопросы территориального разграничения на рубежах Русского государства и Речи Посполитой на Ям-Запольских переговорах наряду с определением непосредственно «московско-литовских рубежей» также тесно связывались с проблемой уступки занятой к тому времени русскими войсками части Ливонии. При этом речь шла и о захваченной к тому времени армией Стефана Батория части Псковской земли. Для литовской части посольства (О. Радзивилл, М. Гарабурда) вопрос об обеспечении безопасности восточных рубежей Великого княжества был равнозначен судьбе Ливонии. Близкой позиции придерживался и возглавляющий посольство представитель Короны князь Януш Збаражский. Однако «приставленный» к послам личный представитель канцлера Я. Замойского К. Варшевский имел от него указание поставить главным вопросом на переговорах проблему уступки всей Ливонии, отводя проблеме московско-литовских границ второстепенное значение. Папский посредник А. Поссевино, также озабоченный главным образом ливонской проблемой, к вопросам территориального разграничения на московско-литовских рубежах относился нейтрально.

14 декабря стороны определили позиции — литовские послы требовали «в сторону господара своего чотыре замки: Нарев, Адеж, Серенсок и Новгородок Инфляншъский оставуючы», московские послы — «господару их Лук Великих, Хольму, Заволочья, Велижа, Невля и всих прыгородков псковских уступить»[44]. 15 декабря требование польско-литовской стороны ужесточились: центральным

---

[42] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 13. Лл. 233об.–240об.

[43] Ход Ям-Запольских переговоров изложен в опубликованных Ф. И. Успенским донесениях русских послов Ивану Грозному: Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей. Одесса, 1887. С. 51–60, 63–74, 77–84. Ряд донесений Ф. И. Успенский при публикации опустил. Итоговый статейный список послов в русской посольской документации отсутствует. Донесения польско-литовских послов о ходе переговоров опубликованы в составе посольских книг ЛМ: КПЛМ. Ч.2. №81. С. 213–230.

[44] КПЛМ. Ч.2. С. 216.

стал вопрос об уступке Великих Лук[45]. 16, 17 и 18 декабря А. Поссевино пытался примирить позиции сторон, но безуспешно. Затем переговоры были прерваны до 20 декабря. 18 декабря послы отправили отчет государю — ключевым вопросом русские дипломаты считали вопрос о «собежских землях», т. е. о г. Себеже[46]. Вместе с отчетом гонец повез послание А. Поссевино Ивану Грозному. Переговоры 20–25 декабря не привели ни к какому результату. Между тем день 27 декабря был определен Стефаном Баторием как последний день переговоров. В этот день разразился наиболее острый кризис. Польско-литовская сторона имела на руках распоряжение канцлера Замойского о том, что в случае если ее требования будут отвергнуты, переговорам будет положен конец. После ожесточенных препирательств русские послы вынуждены были признать, что у них уже имеется указание Ивана Грозного в крайнем случае пойти на сдачу всех пунктов в Ливонии, но требуется окончательное подтверждение государя. Тогда канцлер Замойский отправил к послам в качестве эмиссара своего племянника, впоследствии знаменитого коронного гетмана С. Жолкевского «с предложением уступки Иоанну ливонских крепостей Нейшлосса, Серенска, Ланса и Нейгауза (Новгородка Ливонского), если за Речью Посполитой останутся Великие Луки, Заволочье, Невель, Себеж и Велиж»[47]. Эта инициатива вызвала резкие возражения всех послов и озадачила А. Поссевино, усмотревшего в ней направленную против него интригу. Отрицательная позиция польско-литовской стороны объяснялась тем, что в случае принятия московскими послами этих предложений и заключения мира на таких условиях, последовал бы конфликт на сейме. В итоге неожиданную инициативу канцлера послы не стали озвучивать на переговорах. В начале января переговоры возобновились, и вскоре стороны пришли к компромиссным решениям. Общие условия территориального разграничения, кроме Ливонии, были определены следующим образом: «А зделали, государь, мы с литовскими послы на том: в твою государеву сторону городы — Луки Великие, Заволочье, Невль, Холм, да псковские пригороды все, которые были за Стефаном королем, и Себежа не жечь, быти ему по прежнему ко Пскову; а в Стефанову королеву сторону ливонские города все, которые были за тобою, государем, да Велиж в королеву сторону, а земля Велижу по старым рубежом, как было Витебской земле с Торопецкую землею, Витебская з городом с Велижем к Витебску, а Торопецкая к Торопцу»[48]. Таким образом, в конечном итоге было оговорено возвращение Русскому государству Великих Лук, Невеля, Холма и Себежа. Особо оговаривался вопрос о возвращении «пригородов» Пскова — Опочки, Порхова и др. Русское государство отказывалось от «Полоцкого повета» и от г. Велижа. Тем не менее, вопрос о «Велижской земле» оставался спорным. 13–14 января «противни» (т. е. двусторонние тексты) договора были согласова-

[45] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Лл. 568об.–574.
[46] Там же. Л. 582.
[47] Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного… С. 302.
[48] Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. Одесса, 1887. С. 81.

ны, и 15 января все послы целовали крест. Следует отметить, что в современной отечественной историографии подробного изложения хода переговоров в Запольском Яме и анализа содержания заключенного там договора не существует. В дореволюционной историографии это было осуществлено В. В. Новодворским в труде «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой»[49]. Списки текстов договора имеются и в русской, и в польско-литовской посольской документации. Публикация была осуществлена по материалам посольских книг ЛМ во второй части «Книги посольской Метрики Великого Княжества Литовского» (КПЛМ); по материалам русской посольской документации М. М. Щербатовым в приложениях к своей «Истории».

Ям-Запольский договор был ратифицирован крестоцелованием Ивана Грозного в Москве 15 июля 1582 г., крестоцелованием Стефана Батория в Варшаве 20 октября 1582 г.

Современная публикация текста договора не осуществлялась, что создает серьезные трудности при анализе его содержания. При этом русский противень ратифицированного в Москве 15 июля 1582 г. текста договора в составе русской посольской документации не публиковался вообще. Оба противня были опубликованы только в КПЛМ.

Помимо разграничения в Ливонии, в Ям-Запольском договоре было заложен территориальный конфликт, который являлся предметом острых споров по территориальному разграничению в течение десятилетий. Речь шла о г. Велиже с областями, уступленными Речи Посполитой. Не совсем ясная формулировка «А землия Велижу по старым рубежом, как было Витебской земли с Торопецкую землею — Витебская земля сз городом Велижем к Витебску, а Торопецкая к Торопцу» толковалась обеими сторонами по-разному. Представители Речи Посполитой требовали в дальнейшем уступки Велижа с прилегающими территориями, в то время как русская сторона оспаривала это[50]. Этот вопрос на московских переговорах при ратификации договора посольством кн. Я. Збаражского-М. Гарабурды в июле 1582 г. решен не был.

При пребывании посольства князя Д. П. Елецкого в Варшаве в октябре 1582 г. с целью ратификации договора королем Стефаном Баторием русская сторона указала на необходимость территориального разграничения и на агрессивный характер действий витебского воеводы С. Паца, учредившего на русской территории укрепленный пункт. Вопрос был поставлен и в послании Ивана Грозного королю, отправленному с гонцом Б. Войковым. Польско-литовская сторона в принципе согласилась провести территориальное разграничение.

К 1 мая 1583 г. должен был состояться съезд для межевания с тем, чтобы, по словам Н. Н. Бантыш-Каменского, «посредством старожилов учинить границу

---

[49] Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного… С. 296–317.

[50] Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 75; Шаламанова Н. Б. К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 181–183.

Торопецкой с Витебскою землею и с городом Велижем»[51]. Однако русские судьи во главе с князем В. И. Катыревым-Ростовским и О. М. Пушкиным к указанному сроку не прибыли, задержавшись в Торопце. Воспользовавшись этим, польские комиссары во главе с М. Б. Гарабурдой самочинно начали демаркацию границы по ими же установленным границам Велижской земли и вступили в столкновение с русскими отрядами, присланными из Торопца. Возник вооруженный конфликт. Впоследствии обе стороны возлагали друг на друга ответственность за произошедшие события. Польские комиссары отказались прибыть на рубеж. Иван Грозный послал посланника С. Г. Адаурова с требованием вывести польско-литовские отряды из Велижского уезда. Король в ответ возложил ответственность за создавшееся положение на Москву. Конфликт из-за территориального разграничения в Велижской волости продолжался.

Попытка правительства обратиться от имени думных чинов Русского государства Н. Р. Захарьина-Юрьева, Б. Я. Бельского и посольского дьяка А. Я. Щелкалова с гонцом И. Тарховым к витебскому воеводе С. Пацу успеха не имела.[52]

Одновременно правительство Ивана Грозного предприняло в велижском уезде военную демонстрацию, направив туда «для межевания» военные силы во главе с князем Д. П. Елецким. Это привело к дальнейшей эскалации конфликта. Вопрос о разграничении был возложен на миссию Льва Сапеги, который прибыл в Москву в момент смерти Ивана Грозного. Дальнейшие события — отказ польско-литовской стороны под предлогом смерти московского царя признавать сроки действия Ям-Запольского мира, поставили решение проблемы территориального разграничения в зависимость от решения общего комплекса проблем, связанных с продлением перемирия. В конечном итоге территориальный конфликт так и не был окончательно разрешен.

Проблема территориального разграничения «на велижском направлении» оставалась в силе вплоть до начала Смутного времени.

Таким образом, если границы Речи Посполитой и Русского государства на центральном и южном участках в целом оставались в состоянии, утвержденном договором 1537 г., то на северном участке, главном, ввиду проблемы борьбы за Ливонию, стратегическом направлении, продолжала оставаться конфликтная ситуация.

Тем не менее, несмотря на неудачный исход Ливонской войны, в целом итоги непосредственного конфликта Русского и Польско-Литовского государств 1561–1570 и 1579–1582 гг. оказались не столь катастрофичны для Москвы, как принято иногда считать в отечественной историографии. Несмотря на утрату Полоцка, Русское государство в целом сохранило границы, существовавшие до начала конфликта.

Подобное положение признавалось польско-литовской стороной «де факто» при последующих продлениях Ям-Запольского перемирия вплоть до начала Смутного времени.

---

[51] Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч.1. С. 185.
[52] Послание: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед.хр. 14. Лл. 731–735.

Ситуация, когда внимание обеих сторон оказалось в течение длительного времени приковано именно к северному участку границы, имеет объяснение только с точки зрения их геополитических интересов в Ливонии. При этом обе стороны учитывали возможность своего конфликта со Швецией.

Продолжавшееся более столетия военно-политическое противостояние Русского и Польско-Литовского государств привело к фактическому установлению государственной границы между ними, исходя из установившегося «равновесия сил». В геополитическом отношении обе стороны в долговременной перспективе не рассматривали достигнутое территориальное разграничение как окончательное. Как справедливо отмечает Б. Н. Флоря, «во второй половине XVI в. на территории Восточной Европы сложилась своеобразная ситуация: друг другу противостояли два мощных политических организма — Россия и Речь Посполитая, каждая из которых претендовала на объединение под своей властью всего восточноевропейского региона, но не имела достаточно сил, чтобы решительно одержать верх над противником»[53]. До начала эпохи Смутного времени обе стороны предприняли попытки выхода из сложившейся ситуации. Однако ни рассматривающиеся частью польско-литовской политической элиты и русской дипломатией в период т. н. «третьего бескоролевья» (1587) планы создания «федерации» России и Речи Посполитой, в случае осуществления которых, помимо всего прочего, была бы решена и проблема территориального разграничения, ни предлагаемые польско-литовской стороной проекты заключения «вечного мира» при условии территориальных уступок со стороны Москвы, в силу причин как социально-политического, так и геополитического характера не были осуществлены. Именно это делало неизбежным возобновление и дальнейшую эскалацию русско-польско-литовского конфликта. XVII столетие ознаменовалось новыми, еще более масштабными изменениями государственной границы между двумя государствами в итоге трех крупноформатных военных конфликтов.

Приложение

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ДОГОВОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ МЕЖДУ ВКЛ И РГ

Все договоры между Русским и Польско-Литовским государствами, заключавшиеся на территории Русского государства, составлялись уполномоченными сторон — посольским дьяком, а также другими «большими дьяками» и входившими в состав литовских и польско-литовских посольств писарями литовскими. Договор составлялся в двух противнях. При ратификации договора в Польско-Литовском

[53] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. М., 1978. С. 3.

государстве польско-литовский противень, как правило, переписывался в литовской великокняжеской канцелярии. Вопросы составления и заключения договоров и их ратификации на протяжении всей истории дипломатических связей между двумя государствами приводили к многочисленным конфликтам, подробное рассмотрение которых выходит за рамки настоящего исследования. Отметим, что литовские противни договоров, опубликованные в настоящее время в составе ЛМ («книг записей» и собственно «посольских книг»), как правило, представляют собой тексты, переписанные при ратификации, а в составе русской посольской документации, т. н. польских посольских книг (ППК) тексты, составленные в Москве. Кроме того текст Ям-Запольского договора при ратификации переписывался и в Москве, и в Варшаве. Подробный анализ текстов всех русско-польско-литовских договоров рассматриваемого периода в плане соотношения их противней в отечественной историографии не производился. За исключением работы В. В. Похлебкина, не существует и хронологического перечня договоров.

I. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1494 г.

Москва, 5 февраля 1494 г., утвержден крестоцелованием государя Ивана III и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов. (РИО. Т. 35. С. 129).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 35. СПб., 1882. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича, часть 1-ая (годы с 1487 по 1533) (далее РИО. Т. 35), №24, стр. 125–129; и в составе пятой книги записей ЛМ: Муханов П. Сборник. М., 1856. №41, стр. 65–69, Lietuvos Metrika. Knyga Nr.5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Egidijus Banionis. Vilnius, 1993 (далее LM Kn. 5–I), №78.2, стр. 134–136. Lietuvos metrika. Knyga Nr.5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Algirdas Baliulis, Arturas Dubonis, Darius Antanavičius. Vilnius, 2012 (далее LM Kn. 5-II), №395, стр. 250–252. Литовский противень опубликован в составе русской посольской документации — Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). М., 1894. Т. 5. №29. С. 16–18; РИО. Т. 35. №24. С. 129–133.

Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») литовские послы Петр Янович (Монтыгирдович) воевода троцкий, маршалок земский литовский и Станислав Янович (Кезгайла), староста жомоитский (РИО. Т. 35. С. 133).

II. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ 1503 г.

Москва, 2 апреля 1503 г., утвержден крестоцелованием государя Ивана III и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов (РИО. Т. 35. С. 405). Русский противень договора датирован мартом без обозначения числа (РИО. Т. 35. С. 402).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО Т. 35. №75. С. 398–402. Литовский противень

при публикации в русской посольской документации отсутствует, приведено дополнение с утверждением договора послами (РИО. Т. 35. №75. С. 402–403).

Литовский противень с датировкой 25 марта 1503 г. опубликован СГГД. Т. 5. №39. С. 24–27.

Литовский противень опубликован в составе пятой книги записей ЛМ: Муханов П. Сборник. №79. С. 125–129; LM. Kn. 5-I №118.13. С. 209–212. LM Kn. 5-II. №518. С. 323–326.

Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») польско-литовские послы: Петр Мышковский, воевода ленчицкий (КП), Станислав Глебович, маршалок господарский литовский и наместник полоцкий (ВКЛ), Войтех Янович (Клочко), маршалок господарский литовский и наместник ковенский (ВКЛ), Ян Бучацкий, староста межибожский и подчаший коронный (КП), Петр Врациновский, стольник краковский (КП), Иван Сапега, писарь литовский и канцлер королевы Елены (ВКЛ), Станислав Горецкий, каноник познанский и секретарь королевы Елены (КП) (РИО. Т. 35. С. 402).

III. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ВЕЧНЫЙ МИР 1508 г.

Москва, 8 октября 1508 г., датировка русского противня по литовской посольской документации; утвержден крестоцелованием государя Василия III и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов.

Вильно, 25 февраля 1509 г., ратифицирован королем и ВКЛ Сигизмундом I при аудиенции посольства в составе Г. Ф. Давыдова, И. А. Челядьина и М. С. Кляпина-Еропкина (СГГД. Т. 5 №59. С. 51).

Русский противень опубликован в составе седьмой книги записей ЛМ: Lietuvos metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539): Užrašymų knyga 7 / Parengė Laimontas Karalius, Darius Antanavičius. Vilnius, 2011. №55. С. 137–141 (далее LM Kn.7); Акты, относящиеся к истории Западной России (далее АЗР). Т. II. СПб, 1848. №43. С. 53–56; в составе восьмой книги записей ЛМ. Lietuvos metrika. Knyga Nr.8 (1499–1514): Užrašymų knyga 8 / Parengė Algirdas Baliulis, Romualdas Firkovičius, Darius Antanavičius. Vilnius, 1995. №80. С. 125–128.

Ратифицированный королем Сигизмундом литовский противень с датировкой 25 февраля 1509 г. опубликован: СГГД. Т.5. №59. С. 48–51.

IV. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ В ТРЕТЬЕЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ

Москва, 2 сентября 1520 г., утвержден приложением печатей литовских послов.

Договор представляет собой односторонний акт литовской стороны — т. н. «утвержденную грамоту» послов Я. С. Костевича, воеводы подляшского и маршалка господарского литовского и Б. Боговитиновича, подскарбия земского литовского, которая опубликована в составе русской посольской документации: РИО. Т. 35. С. 593–594.

Документ подписан Богушем Боговитиновичем.

V. ПЕРВЫЙ РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ В ТРЕТЬЕЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ

Москва, 14 сентября 1522 г., утвержден крестоцелованием государя Василия III и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов (РИО. Т. 35. С. 636).

Краков, 18 февраля 1523 г., ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Сигизмунда I при аудиенции посольства в составе В. Г. Морозова, А. Н. Бутурлина, дьяков И. И. Телешова, М. М. Третьяка-Ракова (РИО. Т. 35. С. 669). Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 35. С. 637–641. Литовский противень, переписанный в Кракове, опубликован в составе седьмой книги ЛМ: LM. Kn.7. №228. С. 418–431; АЗР. Т. II. №120. Разд. II. С. 148–151. Литовский противень, изготовленный в Москве, при публикации в русской посольской документации отсутствует, приведено утверждение договора послами («припесь у грамоты») (РИО. Т. 35. С. 641–642).

Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») литовские послы: Петр Станиславович Кишка, воевода полоцкий и староста дорогицкий, Богуш Боговитинович, подскарбий земский и маршалок господарский литовский, староста слонимский и каменецкий, Иван Горностай, писарь литовский (РИО. Т. 35. С. 641).

Ратифицированный королем Сигизмундом I литовский противень с датировкой 22 февраля 1523 г. опубликован: СГГД. Т.5. №97. С. 97–99.

VI. ВТОРОЙ РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ В ТРЕТЬЕЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ.

Можайск, 4 ноября 1526 г., утвержден крестоцелованием государя Василия III и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов (РИО. Т. 35. С. 731).

Краков, 27 февраля 1527 г., ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Сигизмунда I при аудиенции посольства в составе И. В. Ляцкого и дьяка Е. И. Цыплятева (РИО. Т. 35. С. 749).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 35. С. 743–747, в составе пятнадцатой книги записей ЛМ: Lietuvos Metrika Knyga Nr.15 (1528–1538): Užrašymų knyga 15 / Parengė A. Dubonis. Vilnus, 2002. №156. С. 198–201 (далее LM Kn.15); АЗР. Т. 2. №120. С. 148–151. Литовский противень, изготовленный в Москве, при публикации в русской посольской документации (польских посольских книгах) отсутствует, приведено утверждение договора послами (припесь у грамоты) (РИО. Т. 35. С. 748). Договор утвердили (целовали крест и приложили печати) литовские послы: Петр Станиславович Кишка, воевода полоцкий, староста дорогицкий, Богуш Боговитинович, подскарбий земский и маршалок господарский литовский, староста слонимский и каменецкий (РИО Т. 35 С. 748). Привезенный из Кракова русскими послами литовский противень в русской посольской документации

отсутствует. Указано, что послы «грамоту перемирную привезли слово в слово» (РИО Т. 35 С. 760). Однако привезенный послами ратифицированный литовский противень с датировкой 28 февраля 1527 г. опубликован по другому списку: СГГД Т. 5. №102. С. 104–107.

VII. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ В ЧЕТВЕРТОЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ

Москва, 18 февраля 1537 г., утвержден крестоцелованием государя Ивана IV и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов (Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 59. СПб., 1887 г. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 2-я (годы с 1533 по 1560) (далее РИО. Т. 59) С. 107.

Краков, 27 июня 1537 г., ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Сигизмунда I при аудиенции посольства в составе В. Г. Морозова и кн. Д. Ф. Палецкого.

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 59 С. 125–129, в составе пятнадцатой книги записей ЛМ: LM. Kn.15. №164. С. 210–213.

Литовский противень, составленный в Москве, при публикации в русской посольской документации отсутствует. Приведено утверждение договора послами («припесь») (РИО Т. 59. С. 129–130).

Литовский противень, переписанный и ратифицированный королем Сигизмундом I в Кракове, опубликован в составе 15-й книги записей ЛМ: АЗР. Т. 2. №175. С. 315–316; LM. Kn.15. №165. С. 213–216. Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») литовские послы: Ян Юрьевич Глебович, воевода полоцкий и маршалок господарский литовский, Матей Войтехович Клочко, воевода витебский и маршалок господарский литовский, староста волковыйский, Венцеслав Миколаевич, писарь литовский (РИО. Т. 59. С. 129).

VIII. ПЕРВЫЙ РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ В ЧЕТВЕРТОЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ.

Москва, 21 марта 1542 г., утвержден крестоцелованием государя Ивана IV и крестоцелованием и приложением печатей польско-литовских послов (РИО. Т. 59. С. 167).

Краков, 19 августа 1542 г., ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Сигизмунда I при аудиенции посольства в составе В. Г. Морозова, Ф. С. Воронцова, дьяка Ф. Н. Моклокова (РИО. Т. 59. С. 201).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 59. С. 189–193. Литовский противень, составленный в Москве, при публикации русской посольской документации в РИО отсутствует, приведено утверждение договора послами («припесь») (РИО. Т. 59. С. 193–194). Имеется запись в Описи Архива Посольского приказа 1626 г.: «Грамота перемирная 50-го году литовского Жигимонта короля послов Яна Юрьеви-

ча Глебовича с товарыщи, что они учинили перемирья с царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси в 50-м году на семь лет, писана на харатье, печати были посольские, ростопились все. И грамота от печатей испортилась» (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 86). Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») польско-литовские послы Ян Юрьевич Глебович, воевода полоцкий и маршалок господарский литовский (ВКЛ), Николай Янович Цехановский, подстолий коронный и староста мельницкий (КП), Николай Николаевич Андрушевич, писарь литовский и державца ожский и переломский (ВКЛ) (РИО. Т. 59. С. 193).

IX. ЗАПИСЬ (ПРОТОКОЛ) К ПЕРЕМИРИЮ 1537 О СЕБЕЖСКИХ ПУСТОШАХ

Москва, 21 марта 1542 г., утверждена одновременно с русско-литовским договором.

Оба противня опубликованы в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 59. С. 194–198. Датированы мартом без указания числа. Описание польско-литовского противня в Описи Архива Посольского приказа 1626 г: «Грамота полсково Жигимонта короля и сына ево Жигимонта-Августа послов Яна Юрьевича Глебовича, воеводы полотцкого, с товарыщи, з государевыми послы с Васильем Григорьевичем Морозовым с товарыщи, договор о Полоцких землях и о водах, что не вступатца в них на обе стороны, покаместа государевы болшие послы будут. Писана от Рождества Христова лета 1542–го, у ней 3 печати, ветха и изодралась». (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. С. 87).

X. ВТОРОЙ РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ В ЧЕТВЕРТОЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ

Москва, 13 февраля 1549 г., утвержден крестоцелованием царя Ивана IV Грозного и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов (РИО. Т. 59. С. 302).

Краков, 26 сентября 1549 г, ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Сигизмунда II Августа при аудиенции посольства в составе М. Я. Морозова и Б. М. Карачарова (РИО. Т. 59. С. 329).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО. Т. 59. С. 303–306.

Литовский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО Т.59. С. 324–328. Кроме того, приведены два листа короля Сигизмунда Августа с подтверждением полномочий послам и обязательствами соблюдать договор (РИО. Т. 59 С. 306, 307) и утверждение договора послами («припесь» — С. 307).

Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») литовские послы: Станислав Петрович Кишка, воевода витебский, Ян Юрьевич Комаевский, маршалок господарский литовский и державца ожский и переломский, Глеб Есманович, дьяк литовский (РИО. Т. 59. С. 307).

XI. ТРЕТИЙ РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ В ЧЕТВЕРТОЙ РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ.

Москва, 12 сентября 1553 г., утвержден крестоцелованием царя Ивана IV Грозного и крестоцелованием и приложением печатей литовских послов. (РИО. Т. 59. С. 407).

Люблин, 6 апреля 1554 г., ратифицирован крестоцелованием короля Сигизмунда II Августа при аудиенции посольства в составе В. М. Юрьева, Ф. И. Сукина и И. Бухарина (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. М., 1862. С. 100).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 59. С. 407–411; в составе посольских книг ЛМ: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). Издана по поручению Императорского Московского общества истории и древностей российских кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем (далее КПЛМ. Ч. 1). М., 1845. №56. С. 91–94.

Литовский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО Т. 59. С. 411–414. Там же опубликовано утверждение договора послами («припесь»): РИО. Т. 59. С. 414–415. Описание в Описи Архива Посольского архива 1626 г.: «Грамота перемирная Жигимонта-Августа короля полского з государем царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси, что учинили перемирье послы ево Станислав Довоина, да Остафей Волович, да Петр Симашко на 2 года, лета 7062-го и крест целовали. У ней привешаны 3 печати, писана на харатье, в пожар поплела» (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. С. 88).

Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») литовские послы Станислав Станиславович Довойно, воевода полоцкий, Остафий Богданович Волович, маршалок господарский и писарь литовский, Петр Михайлович Семашко, писарь литовский (РИО Т. 59. С. 414).

XII. ЗАПИСЬ (ПРОТОКОЛ) О СПОРНЫХ ПОЛОЦКИХ (СЕБЕЖСКИХ) ПУСТОШАХ

Москва, 9 сентября 1553 г., составлен писарем литовским П. Семашко и дьяками И. М. Висковатым и И. Бухариным (РИО. Т. 59. С. 405).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО Т. 59. С. 416–418.

Литовский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО. Т. 59. С. 418–420.

Оба противня датированы сентябрем, без указания числа.

Уполномоченные сторон от Русского государства — члены ответной комиссии думных чинов: боярин Василий Михайлович Юрьев, окольничий Иван Михайлович Воронцов, казначей Федор Иванович Сукин, посольский дьяк Иван Ми-

хайлович Висковатый, дьяк Иван Иванович Бухарин; от ВКЛ: послы Станислав Станиславович Довойно, воевода полоцкий, Остафий Богданович Волович, маршалок господарский и писарь литовский, Петр Михайлович Семашко, писарь литовский (РИО. Т. 59. С. 416).

XIII. ПЕРВЫЙ РУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ В ПЯТОЙ (ЛИВОНСКОЙ) РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ (ПЕРВОЙ ВОЙНЕ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ).

Москва, 24 июня 1570 г., утвержден крестоцелованием царя Ивана IV Грозного (РИО. Т. 59. С. 722).

Варшава, 2 мая 1571 г., ратифицирован крестоцелованием короля Сигизмунда II Августа при аудиенции посольства в составе князя И. М. Канбарова и князя Г. Ф. Мещерского (РИО. Т. 71. С. 796).

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): РИО. Т. 71. С. 724–729, и в составе посольских книг ЛМ (кн.591): КПЛМ. Ч. 1. №189. С. 293–297. Литовский противень, составленный в Москве, опубликован в составе русской посольской документации: РИО Т. 71 С. 729–734. Утверждение послами датировано 22 июня («припесь», РИО. Т. 71 С. 734). Описание в Описи Архива Посольского приказа 1626 г.: «Грамота перемирная литовского Жигимонта Августа короля послов пана Яна Скротошина с товарыщи учинили перемирье с царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси на три годы, на харатье, писана русским письмом, у ней 4 печати, писана на Москве, лета 7078-го июня в 22 день» (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. С. 89). Договор утвердили («целовали крест и приложили печати») польско-литовские послы: Ян Андреевич Скратошин, воевода инновроцлавский (КП), Миколай Станиславич Тальвош, каштелян менский (ВКЛ), Рафаил Янович Злешня, староста радеевский (КП), Андрей Иванович Харитонович, королевский секретарь и великий писарь литовский (ВКЛ) (РИО. Т. 59. С. 734). Ратифицированный польско-литовский противень датирован Варшавой 2 мая 1571 г., опубликован в составе посольских книг ЛМ (кн. 591): КПЛМ. Ч. 1. №192. С. 304–308. Несохранившийся список, который был привезен посольством князя И. М. Канбарова и князя Г. Ф. Мещерского в Москву, датирован 5 мая 1571 г. Описание в Описи Архива Посольского приказа 1626 г.: «Другая грамота о том же перемирье, что король сам крест целовал, писана на харатье, от Рожества Христова 1571-го май в 5 день, у ней печать королевская грамота поплела» (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. С. 89).

XIV. ПРОТОКОЛ (ЗАПИСЬ) О СПОРНЫХ ЗЕМЛЯХ

Москва, 22 июня 1570 г.

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 71. СПб., 1890. Памятники дипломатических сношений Москов-

ского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570) (далее РИО. Т. 71). С. 734–738, в составе посольских книг ЛМ (кн. 591): КПЛМ. Ч.1. №190. С. 297–301. Озаглавлен в КПЛМ: «Определение границ между русскими и польскими владениями, постановленных на съезде русских бояр с польскими послами». Литовский противень опубликован в составе русской посольской документации: РИО. Т. 71. С. 738–742. Описание в Описи Архива Посольского приказа 1626 г.: «Грамота писана белорусским письмом на дву листех литовских послов Яна Ондреевича Скротошина с товарыщи царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси с послы з боярином Михайлом Яковлевичем Морозовым с товарыщи договор о рубежах и о межах, у ней 4 печати литовские да дву литовских дьяков руки, писана лета 7088-го, назади поплела» (Опись Архива Посольского приказа 1626 г. С. 89).

Уполномоченные сторон: от Русского государства члены ответной комиссии думных чинов, ведших переговоры, бояре Михаил Яковлевич Морозов, Никита Романович Захарьин-Юрьев, печатник Иван Михайлович Висковатый и посольский дьяк Андрей Васильев; от Речи Посполитой польско-литовские послы Ян Скротошин, воевода инноврoцлавский (КП), Миколай Станиславич Тальвош, каштелян минский, староста дымбовский (ВКЛ), Рафаил Янович Злешня, писарь коронный (КП) и Андрей Иванович, великий писарь литовский, королевский секретарь, подкоморий новгородский (ВКЛ) (КПЛМ. Ч. 1 С. 397–398). Данные лица приложили к документу печати (КПЛМ. Ч. 1. С. 301).

XV. ВТОРОЙ РУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ В ПЯТОЙ (ЛИВОНСКОЙ) РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ (ПЕРВОЙ ВОЙНЕ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ)

Москва, 30 января 1578 г., утвержден крестоцелованием царя Ивана IV Грозного и крестоцелованием и приложением печатей польско-литовских послов (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1 С. 154). Королем Стефаном Баторием договор ратифицирован не был.

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации (польских посольских книг): Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стлб. 143–150, и в составе посольских книг ЛМ (кн 592): Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год). Изд. М. Погодин, Д. Дубенский (далее КПЛМ. Ч. 2) М., 1843. №17. С. 29–34. Польско-литовский противень опубликован в составе русской посольской документации Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стлб. 150–156, и в составе посольских книг ЛМ (кн.592): КПЛМ. Ч. 2. №17. С. 34–38. Договор утвердили (печати свои привесили и крест целовали) польско-литовские послы Станислав Крайский, воевода мазовецкий, староста плоцкий и добринский (КП), Миколай Сапега, воевода минский (ВКЛ), Федор Скумин-Тышкевич, подскарбий дворный литовский (ВКЛ) (КПЛМ. Ч. 2. С. 38).

XVI. «ЗАПОЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР» — ТРЕТИЙ РУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ В ПЯТОЙ (ЛИВОНСКОЙ) РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ (ПЕРВОЙ ВОЙНЕ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ)

Яма-Запольская 15 января 1582 г., утвержден крестоцелованием русских и польско-литовских послов (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 177).

Списки РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Лл. 19-34об.; Ф. 389. Оп. 1. Ед.хр. 591. Лл. 595-600; Ед.хр. 592. Лл. 209-214об.

Русский противень опубликован в составе русской посольской документации: Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стлб. 186–193, в составе посольских книг ЛМ (кн. 592): КПЛМ. Ч. 2. №82. С. 230–236.

Польско-литовский противень опубликован в составе русской посольской документации: Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стб. 174–186, в составе посольских книг ЛМ (кн.592): КПЛМ. Ч. 2. №83. С. 236–242.

Договор утвержден крестоцелованием русских и польско-литовских послов. Уполномоченных сторон: от Русского государства — князь Дмитрий Петрович Елецкий, окольничий, наместник кашинский; Роман Васильевич Олферьев, думный дворянин, наместник козельский; Никита Верещагин, Роман Свиязев (КПЛМ. Ч. 2. С. 230); от Речи Посполитой — князь Януш Збаражский, воевода браславский, староста кременецкий и пинский (КП); Ольбрехт Радзивилл, маршалок дворный литовский и староста ковенский (ВКЛ); Михаил Гарабурда, великий писарь литовский (ВКЛ) (КПЛМ. Ч. 2. С. 236).

В составе посольских книг ЛМ имеется также датированное 14 января 1582 г. утверждение договора папским легатом А. Поссевино. Заглавие Protetatio Antonij Posseeuini. Списки РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед.хр. 591. Лл. 605об.–606; Ед.хр. 592. Лл. 220об.–221об. Документ опубликован в составе посольских книг ЛМ (кн. 591): КПЛМ. Ч. 2. №84. С. 242–244.

XVII. РАТИФИЦИРОВАННЫЙ ТЕКСТ ЯМ-ЗАПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА.

Москва, 15 июля 1582 г., ратифицирован крестоцелованием царя Ивана IV Грозного и крестоцелованием и приложением печатей польско-литовских послов (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Лл. 244об.–246).

Варшава, 20 октября 1582 г., ратифицирован крестоцелованием короля и ВКЛ Стефана Батория при аудиенции посольства в составе князя Д. П. Елецкого, И. М. Пушкина и Ф. П. (Дружины) Петелина (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 516об.).

Русский противень, составленный в Москве, в составе русской посольской документации не опубликован (списки РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 14. Лл. 262об.–288об.) Не опубликована и «припесь» польско-литовских послов (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Лл. 288об.–290). Русский противень, ратифицированный в Варшаве, опубликован в составе посольских книг ЛМ (кн. 592): КПЛМ. Ч. 2. №97. С. 259–263. Польско-литовский противень, переписанный в Варшаве,

также опубликован в составе посольских книг ЛМ (кн. 592): КПЛМ. Ч. 2. №98. С. 263–268.

Договор в Москве утвердили («целовали крест и приложили печати») польско-литовские послы: князь Януш Збаражский, воевода браславский и староста кременецкий и пинский (КП), Миколай Тальвош, каштелян жамойский и державца радуньский (ВКЛ), Михайло Гарабурда, великий писарь литовский (ВКЛ): РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 290. Русский противень зачитывал посольский дьяк А. Я. Щелкалов, польско-литовский — великий писарь литовский М. Гарабурда: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 244об.

КАРТЫ

Московско-литовская граница во второй половине XV – первой трети XVI в.

Московско-литовское пограничье в 30-е годы XVI в.